

ИДЕЯ СОХРАННОСТИ И РАЗРУШЕННОСТИ ДОМА В ВОСПРИЯТИИ ЧЕХОВА И БУЛГАКОВА

Тема дома - одна из вечных, универсальных тем в русской литературе. Разработка этой темы внутренне драматична. Важнейший проблемный узел в ней обозначен понятиями сохранности и разрушения. Наиболее отчетливо диалектика этих отношений проявлена в творчестве таких художников, как Чехов и Булгаков, которые ошутимо связаны преемственными традициями в разработке этой темы.

В произведениях Чехова нетрудно найти поэтические образы усадеб и домов, окруженных садами и наполненных музыкой, вместе с тем писатель далек от той поэтизации их, которая была свойственна многим писателям-дворянам. Поэтическим образ дома в "Вишневом саде" является таковым только в воспоминаниях, но само это ощущение отнесено автором в прошлое как мечта, с которой герои вынуждены расстаться.

Но, будучи писателем времени социальных катастроф, остро ощутившим исчерпанность прежних форм, Чехов дал новую концепцию дома. В его произведениях дом включен в трагическую ситуацию крушения жизни - он выставлен на продажу. Дом в художественном мире Чехова заключает человека в сковывающие путы, следствием чего является мертвенность души. Тот ряд предметов, привычных вещей, согревающих человека "теологическим теплом" (О. Мандельштам) в художественных мирах Гончарова и Л. Толстого, становится у Чехова знаком бездуховности и мертвенности ("Горшочки со сметаной, кувшины с молоком"). Стремление обзавестись делом есть знак ущербности героя ("Крыжовник", "Ионыч"). Автор поддерживает тех героев, которые порываются бежать из дома, они ему духовно близки ("Три сестры", "Невеста"). В подобной ориентации Чехов выступал сыном своего времени, которое выходило к идее отмены самоценности частного существования, крайнее выражение такого мироощущения позднее будет запечатлено Бердяевым: "У меня никогда не было чувства происхождения от отца и матери... Нелюбовь ко всему родовому - характерное мое свойство".

Живущий в другую, послереволюционную эпоху, Булгаков, видевший катастрофическое, массовое крушение не только государства, но и множества частных жизней, ужаснулся масштабом этих процессов и страшным необратимым последствием их. Тема дома начинает

звучать у него чрезвычайно остро в связи с его концепцией личности, в которой человек выступает жертвой истории.

Он воспринял от Чехова ориентацию на обычного человека, но в интерпретации темы дома он существенно с ним расходится. В его произведениях уход из дома - вынужденный, сопряженный с трагедийностью и гибельностью ситуации ("Ханский огонь", "№ 13.- Дом-Эльпит-Рабкоммуна"). Ему близка философия В. Розанова, считающего, что "жизнь есть дом, а дом должен быть тепл, удобен и кругл". У Булгакова ценностно значимой становится оппозиция Дом-Антидом, отмечающая разные варианты отклонения от нормы. Те вещные знаки отгороженности и вместе с тем защищенности человеческого существования, которые в произведениях Чехова вызывают негативную оценку, подчеркнута культивируются Булгаковым. Подобный взгляд может вызывать отрицательные оценки. Например, Бердяев в вещественной эстетике Розанова видит "вечно-бабье", с другой стороны, можно с неменьшим основанием противопоставить в осмыслении этого вопроса "влажность" души Булгакова и Розанова "сухости" ее у Чехова и Бердяева.

При всех расхождениях Чехова и Булгакова в разработке этой темы нельзя не видеть очень существенного сходства в эстетической разработке темы. Обои художниками она ведется в русле трагикомедии, и всегда фарсовое, карнавальное связано у них с мыслью о нелепой, абсурдной жизни, одним из знаков которой становится разрушение дома. И в этом смысле забытая усадьба в финале "Вишневого сада" - столь же мрачный и безнадежный знак гибельности жизни, как и зойкина квартира, превратившаяся в публичный дом. По сути, Булгаков в разработке темы дома показывает, что реально бывает, как это было сказано в последней пьесе Чехова, "человека забыли".

В. А. Зайцев
Москва

ЖАНРОВАЯ ТРАДИЦИЯ "ПАМЯТНИКА" В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVIII-XX ВЕКОВ

Жанровая традиция своеобразного поэтического размышления о "Памятнике" в русской поэзии начинается с одноименного стихотворения М. В. Ломоносова 1747 года, являющегося переводом горациевой оды "К Мельпомене", а затем и оригинального стихотворения-обращения Г. Р. Державина "К Музе" (1796), названного им "Подражанием Горацию".